

«Воскрес. самиздат» 2 декабря 1988.

САТИРИК И ЛИРИК

Зиновий Гердт в фильме «Фокусник»

Актером кино Зиновий Гердт стал давно. Значительно раньше, чем впервые появился на экране. Возможно, тут сказалась профессиональная привычка актера кукольного театра — он работал, не высываясь из-за ширмы. Он сохранял инкогнито. Выдавал его лишь голос, которым говорили Тото в «Полидейских и ворах». Витторио Де Сика в «Генерале делла Ровере» и еще не один десяток зарубежных актеров. Гердт помог им заговорить по-русски.

Рене Клер как-то в шутку писал, что в средние века актеры, занимавшиеся дубляжем, наверняка угодили бы на костер за свое дьявольское занятие — наделение живых тварей

несвойственным им голосом. Понадеясь, что даже в те смутные и малоинтеллигентные времена Гердт избежал бы этой печальной участи. Его речь звучит настолько убедительно в устах самых разных актеров, что трудно заподозрить обман, если не знать о происхождении фильма.

Правда, он мог бы в те века погореть (в прямом смысле этого слова) за другое — за свою связь с дьяволом. И тут было бы бессмысленно отпираться, она налицо. В спектаклях «Чертова мельница», «Ночь под рождество» дьявол, подстрекаемый и направляемый Гердтом, позволял себе отпускать непочтительные шуточки по поводу божественных особ.

Да и в других спектаклях, принимая иные обличья, а порой и на авторских вечерах пародий актер позволял себе довольно едко проходить по адресу менее божественных, но тем не менее достаточно прославленных знаменитостей.

В общем, за Гердтом установилась репутация сатирина. И, наверное, поэтому режиссер Петр Тодоровский, готовясь к съемкам «Фокусника», предложил актеру (к этому времени на его счету было несколько эпизодов в фильмах «Семь нянек», «Авдотья Павловна», «Улица Ньютона, дом 1») сыграть роль, именуемую в режиссерском сценарии «сатирик». И Гердт, хорошо знавший Тодоров-

ского, неосторожно ответил, что в его картине он готов играть любую роль. Случилось так... впрочем, остановимся и дадим слово самому Гердту.

— Всякий комик в душе тайно убежден, что по призванию он вовсе не комик — это лишь печальная ирония судьбы. А на самом деле он Отелло, Карл Моор, а может быть, даже Гамлет. Не буду скрывать, и меня не покидало ощущение, что всю жизнь я играл не те роли. И не раз поэтому я в сердцах бранил свою судьбу. Видимо, устав от моих ругательств, судьба наконец подарила мне роль, о которой я только мог мечтать, — роль серьезного и грустного человека по фамилии Кукушкин...

Да, в конечном итоге сатириком в фильме стал Владимир Басов, а Гердт — исполнителем главной роли, «загадочным индусом», египетским магом Нон Саибом, фокусником Кукушкиным.

Гердт-сатирик превратился в Гердта-лирика. Иначе здесь и не могло быть, потому что герой сценария Александра Володина, которого предстояло сыграть актеру, оказался во многом похожим на него по возрасту, профессии, биографии. А еще и по характеру: доброму, щедрому, открытому людям, безжалостному ко всему мелкому и подлому.

Но, чтобы не пропадал втуне талант Гердта-сатирика, судьба, временно приняв облик режиссера Михаила Швейцера, почти одновременно послала ему другую роль — Паниковского в экранизации «Золотого теленка» Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Однако и здесь поначалу судьба чуть было не ошиблась: Гердту предназначалась роль «бывшего грузинского князя, а ныне трудящегося Востока» Гигенишвили, а познакомиться на Паниковского его просто по-дру-

жески попросил режиссер, чтобы убедиться в правильности выбора на эту роль другого актера.

И убедился..., что Паниковским может быть только Гердт.

Гердт не стал спорить со Швейцером. Он решил поспорить с Ильфом и Петровым.

— Паниковский у авторов смешон и гадок. Мне хотелось показать его несколько иным: смешным и трагическим. Потому что это не приспособленный к миру, страшно одинокий во всей Вселенной человек. Его ранит буквально все, даже прикосновение воздуха. А хитрости его настолько наивны, явны и очевидны, что не могут никому принести вреда. Лучше всего о нем сказал Остап Бендер: «Вздорный старик! Неталантливый сумасшедший!». Мне его жалко. Хочется, чтобы и зрители отнеслись к моему Паниковскому с теми же чувствами.

Сейчас фильм уже на экране. Но зрительский энтузиазм начал проявляться гораздо раньше. Встречать автопробег, ведомый Сергеем Юрским, Леонидом Куравлевым, Зиновием Гердтом и Николаем Боярским, выходило народу несравненно больше, чем сорок лет назад, когда тот же путь проделывали Бендер, Балаганов, Паниковский и Козлевич. Каждый в толпе «большечиков» считал, что съемки «Золотого теленка» — его личное дело.

В этом режиссеру довелось лишь раз убедиться в тот день, когда из Ленинграда (там снимался «Фокусник») в Одессу, где в то время обосновалась съемочная группа «Золотого теленка», пришла телеграмма с малородственным известием: «Зиновий серьезно заболел тчк он в больнице тчк». Такое сообщение не могло не расстроить Швейцера, и потому он не сразу обратил внимание, что

почтальон, принесший телеграмму, не собирается уходить.

— Ну, и что мы будем делать? — спросил почтальон в ответ на вопросительный взгляд режиссера.

— Как что делать? — удивился Швейцер.

— Одесса надеется, что вы не будете заменять Зиновия.

— А как же быть?

— Никто не согласится на другого Паниковского. Надо ждать.

Интонация была столь убедительной, что спорить не представлялось возможным. Паниковским остался Гердт.

— Как актеру, мне очень многое дала встреча с двумя такими популярными несхожими образами. Для Кукушкина всегда, в любой ситуации главным остается человеческое достоинство. А Паниковский о том, что это такое, давно забыл, и вообще не известно, знал ли когда-либо. Герой Володина непосредственный, простодушный, искренний. У него нет винтика для хитрости. У Паниковского же только стремление приспособиться. Но есть стремление — нет умения... Каждый из этих героев мне по-своему дорог. С каждым из них мне трудно было расставаться. Но что поделаешь — работа над фильмами завершена, и я вновь в театре.

Мои дальнейшие планы? В кино пока никаких. Я все же не киноактер и, пожалуй, никогда им не стану. Я уже немолод, мне трудно привыкать к индустрии кинематографа. И к тому же я уверен, что никогда не оставлю театр. Но две сыгранные в кино роли принесли мне очень много радостей и тревог...

Так что же, Зиновий Гердт, дважды показав на экране крупным планом свое лицо (сатирика и лирика), вновь прячется за ширму?

А. ЛИПКОВ.